

УДК 81'42:[39:37]Волков Г.Н.

О. А. Дмитриева

КОНЦЕПТОСФЕРА «ЧУВАШСКОЙ ЭТНОПЕДАГОГИКИ» Г. Н. ВОЛКОВА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. Статья посвящена изучению основных концептов основателя этнопедагогике Г. Н. Волкова. Особое внимание уделяется таким концептам, как «мать», «воспитание» и «педагогика», указывается на их взаимообуславливающий характер и связь с космоцентризмом и домосентризмом чувашского народа. Космоцентризм строится на представлении о взаимодействии с природой, универсумом. Домосентризм маркирует ценностную доминанту чувашской культуры – это дом и малая родина. Средоточием этой доминанты является образ матери, связанный с представлением о времени.

Ключевые слова: *научный дискурс, концепт, концептосфера, лингвоконцептологические исследования, ментальность, этнопедагогическое мировоззрение.*

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность исследования обусловлена его вхождением в круг когнитивно-дискурсивных проблем современного языкознания. Рассматриваемые этномаркированные концепты автора позволяют говорить о концептосфере его произведения. Цель исследования заключается в раскрытии таких ключевых концептов, как «мать», «воспитание», «педагогика», и в выявлении их особенностей.

Материал и методика исследований. Для исследования выбран текст работы Г. Н. Волкова «Чувашская этнопедагогика» [4]. На основе изучения научно-интерпретативного дискурса автора выявляются основополагающие концепты, которые, с одной стороны, являются смысловыми доминантами его научной деятельности, а с другой – вписываются в понятие «сверхкультуры», что связано с его принадлежностью к чувашскому народу. Исследование строится на основе таких лингвистических методов, как контекстный, описательный и концептуальный анализ текстовых фрагментов.

Результаты исследований и их обсуждение. «Научный дискурс <...>, – пишет Н. А. Мишанкина, – моделируется как особое ментальное пространство средствами естественного языка и реализуется как совокупность всех научных текстов» [10, с. 143]. Его

© Дмитриева О. А., 2017

Дмитриева Ольга Альбертовна – научный сотрудник научно-исследовательского института этнопедагогике имени академика РАО Г. Н. Волкова Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: olgaal_79@mail.ru

Статья поступила в редакцию 14.02.2017

Исследование выполнено в рамках госзадания по теме «Полиэтническая образовательная среда современного вуза: проблемы многоязычия и межкультурной коммуникации» № 27.9712.2017/БЧ

особенностью является интертекстуальность, под которой в данном случае понимается вслед за Е. А. Баженовой «открытость текста во внетекстовое пространство и его интегрированность в сверхсистему культуры» [2, с. 64].

Комплексные исследования языковой личности автора научного текста решают различные цели и задачи, в конечном итоге сводящиеся к описанию языковой личности разных типов: «как национальной, коллективной, групповой, так и индивидуальной, реконструируя ее специфические черты» [6, с. 7–8]. Одним из возможных способов реконструирования языковой личности является описание ключевых концептов автора. Как справедливо отмечает Н. А. Красавский, изучение авторских концептов в пространстве художественного текста позволяет решать, с одной стороны, общефилософские и культурологические задачи, а с другой – лингвистические [5, с. 97]. Н. Ж. Чонмурунова отмечает двойное толкование концепта: с одной стороны, «индивидуально-авторское психическое образование» [13, с. 88], с другой – то, что принадлежит, по словам Л. В. Миллер, «психоментальной сфере определенного этнокультурного сообщества» [7, с. 41]. Научный дискурс также не исключает субъективных интенций автора, прагматику текста (подробнее см. [9]). Определение точек пересечения художественного индивидуально-авторского концепта и концептов, создаваемых языковой личностью ученого-этнопедагога Г. Н. Волкова, нам видится в метафорическом осмыслении такого фрагмента действительности, как народная педагогика.

Исследуя языковую личность известного лингвиста В. В. Виноградова, Л. Н. Кузнецова вводит понятие «научно-интерпретативного» дискурса как «особой разновидности научного институционального дискурса» [6, с. 13]. Г. Н. Волков на материале произведений устного народного творчества (чувашишких пословиц, поговорок, загадок, сказок, песен и т. п.), так называемых первичных текстов, и педагогики, языкознания, истории и культуры, т. е. теоретико-методологической базы, создает концепцию этнопедагогической науки чувашского народа (вторичный или научно-интерпретативный текст).

Отличительной особенностью концепции Г. Н. Волкова является «взгляд изнутри»: будучи носителем чувашской культуры, он филигранно воссоздает систему народного воспитания, ему близкую, а значит, и оценочно маркированную. Этнопедагогика проникнута размышлениями рефлексирующего сознания субъекта, как и художественный текст (подробнее об оценочном поле художественного текста см. [8]).

В этнопедагогике Г. Н. Волкова ключевым концептом является **образ матери**, который передается через **образ времени** чувашского народа. Традиционным считается метафорическое представление о линейности времени: движение, изменение событий происходит от прошлого к будущему, при этом прошлое пространственно ориентировано назад, а будущее располагается впереди. С таким представлением связаны, как отмечает Е. С. Яковлева, «идеи начала и конца, а значит – эволюции, развития» [14, с. 97]. «Линия <...>, – пишет Н. Д. Арутюнова, – маркирует переход из мира Природы к его геометризованной модели» [1, с. 6]. Явления природы цикличны, с цикличностью времени также связывают повторяемость событий. Г. Н. Волков отмечает, что чувашаи по особому относятся к своим предкам и потомкам, «культ предков обращен в прошлое, в область смерти и суеверия, а культ детей – в будущее, в область жизни и мечтаний» [4, с. 423]. С. М. Белякова, исследуя темпоральные модусы настоящего и будущего, также отмечает такие способы познания будущего, как «планирование, прогнозирование, предвидение и предчувствие» [3, с. 224]. Культ предков и культ детей пересекаются в выражении *ватти-вётти* (досл. ‘старые и малые’): *Ватй-вётй пулмасан, пёр йёрке те килмест* / Без старого и малого никакого порядка не будет [4, с. 434].

Г. Н. Волков приводит в качестве примера важности матери в жизни ребенка слова из чувашской песни, в которой говорится о том, что «ребенок посмотрел **вперед** – матери не увидел, обернулся **назад** – отца нет. <...> мать в жизни ребенка – на первом плане: она идет впереди и ведет за собой своих детей» [4, с. 425]. Таким образом, мать расположена в пространстве впереди как путеводитель, ориентированный в будущее. Отец, связанный с культом предков, естественным образом располагается позади. С приоритетностью, значимостью матери в жизни ребенка связываются чувашские пословицы: *Атте начарри – инкек, анне начарри – вилём / Отец плох – беда, мать плоха – смерть; Амйиё маттур пулсан, ашиё утериех пулмасан та, ачисем айнасёё / Если мать сильный человек, то дети вырастают хорошими людьми и тогда, когда отец не особенно хорош* [4, с. 428].

Далее метафора «мать – впереди» трансформируется в метафору «мать – вверху», происходят ее обожествление и отождествление с вечностью: *Твоя мать и есть твой кебе (т. е. верховный бог), не рассерди ее, ни одно ее слово не упадет на землю* [4, с. 432]; *Анне чёлхи – туря чёлхи / Язык матери – язык богов* [4, с. 269].

Таким образом, ведущую, приоритетную роль в чувашской этнопедагогике представляет мать. Мать – носитель родного языка, а следовательно, культуры народа. Г. Н. Волков пишет о понятии **материнский язык**. Гармоничная, духовная личность – та, которая знает родной язык матери: «<...> мать, лишившая своего ребенка родного языка, духовно порывает с ним, <...> развивает в нем комплекс человеческой и этнической неполноценности» [4, с. 71]. Налицо возникновение концептуальной метафоры *язык матери – духовное здоровье, полнота существования*. То, что в русском языке называют *впитать с молоком матери* (о ценностях, морально-этических нормах и т. д.), чувашская этнопедагогика локализует в наиболее значимом человеческом органе – сердце – «*молоко матери в самой глубине сердца*» [4, с. 425]. Также о формировании умственных способностей ребенка на ранней стадии свидетельствует чувашская пословица: *Амйи сёчёне тён кёмесен, качака сёчёне тён кёмест / Если разум не усвоен с молоком матери, то с молоком козы уже ум не придет* [4, с. 425].

В высказываниях чувашей представлена **домоцентрическая модель мира**, акценты которой расставлены на доме, в котором вырос, земле, которую возделывал, и месте, где живешь (Родине). Так, неофициальным гимном чувашей называют песню «Асран кайми аки-сухи», в которой земледелие (связь с плугом – сохой) является заветом отца и матери. Г. Н. Семенова также отмечает, что «для оседлых народов среда обитания сводилась к участку земли, месту, где находились их поселения и жизнеобеспечивающие территории, являясь своеобразным символом» [11, с. 49]. Родное село ассоциируется прежде всего с домом: «*Атте-анне килёнче / Блтайн пелче / Атте-анне ялёнче / Брай тёнче*» / В доме отца и матери – золотая колыбель, в деревне отца и матери – добрая вселенная [4, с. 309]. Родина по-чувашски называется *таван сёршыыв* / досл. 'родные земля – вода'.

Народная педагогика чувашей **космоцентрична**, ориентирована на мир природы. Любая деятельность описывается с опорой на явления окружающего мира. Так, например, при описании необходимости трудовой деятельности и ее коллективности проводятся параллели с природными явлениями, деревьями, животными и т. п.: *Вёлле хурчё пёччен нумай пыл таваймё / Одна пчела много меду не принесет; из колыбельной песни: Сонуле, спящему, Кора вяза – колыбель, Можжевельник – дужка колыбели, Рябина – шест, на котором висит колыбель, Яблонева ветка – крюк, Липовое дерево – веревочка* [4, с. 177]. Работа, выполняемая в чувашской деревне, имела, как правило, физический характер, поэтому визуальным образом труда является *рука*: *Алла-аллан ёс үсет / досл.*

‘Рука об руку – работа спорится, растет выполненная работа’ или *Ик алла – пёр ёç, çёр алла – çёр ёç* / Двум рукам одно дело, ста рукам – сто дел. Также одно из названий трудовой взаимопомощи в своем составе содержит слово *рука – алылмаш*.

Обожествление чувашами окружающего мира, их языческие представления отмечались в XIX в. русскими писателями. Так, в частности, Н. С. Лесков в «Очарованном страннике» пишет: «Мне на четвертый день чувашин показался, один пять лошадей гонит, говорит: “Садись верхом”. Я поопасался и не поехал. – Чего же вы его боялись? – Да так... он как-то мне неверен показался, а притом нельзя было и разобрать, какой он религии, а без этого на степи страшно. А он, бестолковый, кричит: “Садись, – кричит, – веселей, двое будем ехать”. Я говорю: “А кто ты: может быть, у тебя бога нет?” “Как, – говорит, – нет: это у татарина бока нет, он кобылу ест, а у меня есть бок”. “Кто же, – говорю, – твой бог?” “А у меня, – говорит, – все бок: и **солнце** бок, и **месяц** бок, и **звезды** бок... **все** бок. Как у меня нет бок?”»

Названия тотемных растений и животных сохранялись в чувашских именах людей: *Юман* (дуб), *Чёкеç* (ласточка) и др. Сквозь призму взаимоотношений с природой аксиологизируются взаимоотношения людей, например, при выражении крепости дружбы эталоном ее прочности являются образные ассоциации с распространенным в хозяйстве растением хмель и его взаимодействие с водой: *Хъмла шывра путсан – уйрăлăпăр* / Раздружимся, когда хмель в воде утонет [4, с. 323] или ср. патриотические образы явлений природы, животных в следующих пословицах: *Ютра хёвел сунтарать, килте юр та йшăтать* / На чужбине сгоришь от солнца, дома и снег согревает; *Тăван çерçи чёвёлтетни ют шăпчăк юрринчен паха* / Чириканье родного воробья дороже пения чужого соловья [4, с. 307].

Концепт **воспитание** и его аксиологическая составляющая, как правило, репрезентируется перцептивными чувашскими глаголами с визуальной оценкой *кур* и *пăх*. В «Чувашско-русском словаре» первое связано со зрением в значении «видеть, смотреть, воспринимать зрением», а также «испытывать, переносить» [12, с. 60], второе – «смотреть, глядеть», «наблюдать, присматривать, ухаживать» [12, с. 82]. Синонимические глагольные сочетания *пăхса усра*, *пăхса ўстер*, *пăхса çитёнтер*, обозначающие «воспитывать», буквально предполагают иметь постоянно объект воспитания перед глазами. Слово *кур* Г. Н. Волков относит к сфере самовоспитания [4, с. 105].

Итак, лейтмотивом всего научного труда звучит макрокосм чувашей. «Педагогикой солнца» называет Г. Н. Волков народную педагогику [4, с. 89], что свидетельствует о том, что концепт **воспитание** представлен посредством концепта **солнце / хёвел**. Данный концепт имеет иерархически сложную фреймовую структуру, составляющими (или слотами) которой являются: 1) гармония окружающего мира; 2) образ матери; 3) прирост в хозяйстве; 4) здоровье; 5) внешность и внутренние качества человека; 6) судьба человека, жизненный путь. Рассмотрим подробнее ее составляющие. Образ матери, как упоминалось выше, обожествлен, расположен вверху, сравнивается с солнцем (*Унта аннў хёвел пăхса çўренё* / Там для тебя солнцем была мать [4, с. 88]), а образ солнца очеловечивается через образ матери: «...пётём тёнчене сұтатса тăракан сұттăн амийё – хёвел / ...дарящая свет всей вселенной мать света – солнце» [4, с. 85]. Значимость солнца в хозяйственной деятельности представлена многочисленными высказываниями типа *Солнца нет – огород пуст; Солнца нет – на овцах шерсти нет, снимешь шерсть – и овец не будет* и мн. др. Г. Н. Волков приводит такие высказывания, связывающие солнце как с физическим здоровьем и внешней красотой (1), так и с развитием интеллекта и внутренних

этических качеств (2): (1) *Человек, находящийся на солнце, бывает здоровее и крепче; Ачасемпе пёр пичё хёвел, тепёр пичё уйах таййттам* / Сделала бы у детей своих одну щеку солнцем, другую месяцем [4, с. 88]; (2) *Светлый ум – от солнца* [4, с. 86]; *Тавану килнине курсассан, хёвел пулса чупса тух* / Увидев родных, сделайся солнцем и выбеги навстречу [4, с. 89]. Возлюбленную чуваша называют *хёвел сүти, хёвел сүри, хёвел чёпти* / солнечный свет, дитя солнца, птенец солнца [4, с. 92]. Слово *кун* связывается с днем, подаренным солнцем, а *кун-сүл* – с солнечным путем, дорогой жизни.

Гармония окружающей чувашей жизни и их развития наиболее ярко отражена в следующем высказывании: «Солнце – это пример и любовь в одном лице. Оно с чувашами связано через их землю, на которой произрастает священное дерево – дуб. Вечна между солнцем и дубом любовь <...> Эта любовь – высший символ гуманистической педагогики чувашей» [4, с. 108].

Рассмотренные положения позволяют сделать вывод о существовании этнопедагогических универсалий, которые предопределяют и являются объяснительной силой при следовании определенным этнопедагогическим аксиомам. Так, на наш взгляд, такой универсалией является космоцентризм, который регламентирует деятельность человека, в т. ч. и этнопедагогическую, выявляя приоритетные действия и объясняя их. Универсалии наполняются специфическими концептами. Специфика детерминирована местом проживания, природой, способом хозяйствования и т. п. Этнопедагогические универсалии, с одной стороны, позволяют выявить общечеловеческие ценности, с другой, с опорой на специфичность их наполнения, – говорить о полиэтническом диалоге образования в целом.

Г. Н. Волков, оперируя узконаучными понятиями – такими как педагогика, воспитание, методология и т. п., рассматривает их сквозь сетку культуры чувашского народа. Универсальные общенаучные понятия наполняются этническим содержанием. Так, педагогика становится педагогикой солнца, воспитание осмысливается через визуальные чувашские глаголы *кур* и *пӑх*, образ матери является главным в чувашской этнопедагогике, объяснительной силой обладают идеи космоцентризма и домоцентризма.

Резюме. Таким образом, основной особенностью ключевых концептов, выявленных в «Чувашской этнопедагогике» Г. Н. Волкова, является их космоцентрический характер. Микрокосмом является родной дом (мать, отец, старшее поколение), макрокосмом – окружающий мир, начинающийся у порога дома. Образ матери локализован на линии времени, которая меняет свое горизонтальное положение (мать – впереди) на вертикальное (мать – вверху, а значит, она олицетворение вечности).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Вступление. В целом о целом. Время и пространство в концептуализации действительности // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. – М.: Индрик, 2002. – С. 3–18.
2. Баженова Е. А. Научный текст и среда // Вестник Пермского университета. Серия: Российская и зарубежная филология. – 2010. – № 2. – С. 60–64.
3. Белякова С. М. Настоящее и будущее в русском лингвокультурном пространстве // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 18, № 1(148). – С. 224–235.
4. Волков Г. Н. Чувашская этнопедагогика. – Чебоксары: ЧИЭМ СПбГПУ, 2004. – 488 с.
5. Красавский Н. А. Ключевые концепты Стефана Цвейга: критерии определения и способы вербализации // Язык и мышление. Психологические и лингвистические аспекты: материалы XV Международной научной конференции. – М., 2015. – С. 97–99.

6. Кузнецова Л. Н. В. В. Виноградов как профессиональная языковая личность ученого-филолога : лингвориторический аспект (на материале текстов о языке и стиле русских писателей) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. – Майкоп, 2013. – 23 с.
7. Миллер Л. В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. – 2000. – № 4. – С. 39–45.
8. Михеева С. Л. Оценочное поле художественного текста // Слово. Словарь. Словесность. Традиции и новации в русском языке (к 250-летию со дня рождения Н. М. Карамзина) : материалы Всероссийской научной конференции. – СПб., 2017. – С. 60–64.
9. Мишанкина Н. А. Прагматика научного дискурса // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2(24). – С. 126–133.
10. Мишанкина Н. А. Роль метафоры в моделировании научных образов языка // Картины русского мира: образы языка в дискурсах и текстах / ред. З. И. Резановой – Томск : ИД СК-С, 2009. – С. 129–173.
11. Семенова Г. Н. Пространственная ментальность и средства ее выражения в чувашском языке // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2016. – № 3(91). – С. 48–53.
12. Скворцов М. И., Скворцова А. В. Чувашско-русский и русско-чувашский словарь. – Изд. 6-е, стер. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2012. – 432 с.
13. Чонмурунова Н. Ж. Репрезентация концептов *добра* и *зла* в произведениях Ч. Т. Айтматова (на материале романа «Плаха») // Гуманитарный вектор. Серия : Филология. Востоковедение. – 2016. – Т. 11, № 3. – С. 87–92.
14. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М. : Гнозис, 1994. – 344 с.

UDC 81'42:[39:37]Волков Г.Н.

O. A. Dimitrieva

CONCEPT-SPHERE «CHUVASH ETHNOPEDAGOGICS» BY G. N. VOLKOV: PROBLEM STATEMENT

I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article is devoted to studying the key concepts of the founder of ethnopedagogics, G. N. Volkov. Special attention is paid to such concepts as «mother», «education» and «pedagogics»; points out their mutually conditioning character and relation to cosmocentrism and homecentrism of the Chuvash people. Cosmocentrism determines the interaction with nature, the universe. Homecentrism marks a valuable dominant of the Chuvash culture such as home and homeland. The image of mother is associated with the idea of time in the Chuvash culture.

Keywords: *scientific discourse, concept, concept-sphere, linguistic conceptology research works, mentality, ethnopedagogical outlook.*

© Dimitrieva O. A., 2017

Dimitrieva, Olga Albertovna – Research Associate, G. Volkov Scientific Research Institute of Ethnopedagogics, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: olgaal_79@mail.ru

The article was contributed on February 14, 2017

REFERENCES

1. *Arutjunova N. D.* Vstuplenie. V celom o celom. Vremja i prostranstvo v konceptualizacii dejstvitel'nosti // Logicheskij analiz jazyka. Semantika nachala i konca. – M. : Indrik, 2002. – S. 3–18.
2. *Bazhenova E. A.* Nauchnyj tekst i sreda // Vestnik Permskogo universiteta. Serija : Rossijskaja i zarubezhnaja filologija. – 2010. – № 2. – S. 60–64.
3. *Beljakova S. M.* Nastojashhee i budushhee v russkom lingvokul'turnom prostranstve // Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serija 2 : Gumanitarnye nauki. – 2016. – T. 18, № 1(148). – S. 224–235.
4. *Volkov G. N.* Chuvashskaja jetnopedagogika. – Cheboksary : ChIJeM SPbGPU, 2004. – 488 s.
5. *Krasavskij N. A.* Kljuchevyje koncepty Stefana Cvejga: kriterii opredelenija i sposoby verbalizacii // Jazyk i myshlenie. Psihologicheskie i lingvisticheskie aspekty : materialy XV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – M., 2015. – S. 97–99.
6. *Kuznecova L. N. V. V.* Vinogradov kak professional'naja jazykovaja lichnost' učenogo-filologa : lingvori-toricheskij aspekt (na materiale tekstov o jazyke i stile russkih pisatelej) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.19. – Majkop, 2013. – 23 s.
7. *Miller L. V.* Hudozhestvennyj koncept kak smyslovaja i jesteticheskaja kategorija // Mir russkogo slova. – 2000. – № 4. – S. 39–45.
8. *Miheeva S. L.* Očnonoe pole hudozhestvennogo teksta // Slovo. Slovar'. Slovesnost'. Tradicii i novacii v russkom jazyke (k 250-letiju so dnja rozhdenija N. M. Karamzina) : materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii. – SPb., 2017. – S. 60–64.
9. *Mishankina N. A.* Pragmatika nauchnogo diskursa // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagog-icheskogo universiteta. – 2015. – № 2(24). – S. 126–133.
10. *Mishankina N. A.* Rol' metafory v modelirovanii nauchnyh obrazov jazyka // Kartiny russkogo mira: obrazy jazyka v diskursah i tekstah / red. Z. I. Rezanovoj – Tomsk : ID SK-S, 2009. – S. 129–173.
11. *Semenova G. N.* Prostranstvennaja mental'nost' i sredstva ee vyrazhenija v chuvashskom jazyke // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. I. Ja. Jakovleva. – 2016. – № 3(91). – S. 48–53.
12. *Skvorcov M. I., Skvorcova A. V.* Chuvashsko-russkij i russko-chuvashskij slovar'. – Izd. 6-e, ster. – Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 2012. – 432 s.
13. *Chonmurunova N. Zh.* Reprezentacija konceptov dobra i zla v proizvedenijah Ch. T. Ajtmatova (na mate-riale romana «Plaha») // Gumanitarnyj vektor. Serija : Filologija. Vostokovedenie. – 2016. – T. 11, № 3. – S. 87–92.
14. *Jakovleva E. S.* Fragmenty russkoj jazykovoj kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vosprijatija). – M. : Gnozis, 1994. – 344 s.